

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Заметки литературоведа

ПРОВЕРЕНО ВРЕМЕНЕМ

Федор Васильевич Гладков прожил богатую событиями жизнь участника трех революций. С юных лет он, выходец из бедной крестьянской семьи, познал все тяготы бесправия и унижения. Как и Алексей Максимович Горький, он, работав в своем характере мужественные силы сопротивления, преодолел «свинцовые мерзости жизни», вошел в число писателей, стоявших у истоков молодой советской литературы.

Ему было семнадцать лет, когда в 1900 году в газете «Кубанские областные ведомости» появился его первый рассказ «К свету». Юноше уже тогда было понятно, что нужно бороться за коренное изменение несправедливых порядков. Через год Гладков написал несколько рассказов, повесть «На ватаге» на «Кавказе» и послал А. М. Горькому. Возвращая рукопись, Алексей Максимович сделал причесательную приписку: «Писать Вам нужно. У Вас есть умение наблюдать жизнь, есть любовь к людям... Исправьте рукопись сообразно с пометками на полях и пришлите мне: я печатаю ее в «Мире боком»».

Внимательный ответ самого Горького воодушевил начинающего писателя. Однако ему еще очень много надо было работать, вырасти мировоззренчески. В 1902 году пылкий юноша отправился учительствовать в Забайкалье. Здесь он вошел в кружок революционной молодежи, изучал марксистскую литературу. Затем переехал в Ейск, где в 1906 году организовал забастовку. За революционную работу его арестовали.

Характеризуя ранний период своего творчества, Гладков отмечал: «Революция 1905 года, тюрьма, ссылка были для меня и закалкой, и университетом, и литературной школой». До сих пор я писал об отверженных жизни, а с этого времени — о борцах революции, но с этого же времени печатные страницы были закрыты для моих повестей и рассказов — они были нецензурны».

В год революции Гладков активный участник становления Советской власти. В 1920 году он ушел добровольцем в Красную Армию — сражался против Врангеля. И все эти годы не расставался с пером. Еще шли бои, а он уже задумал сюжет романа о мирных днях. Живя в Новоросийске после изгнания интервентов, Гладков участвовал в восстановлении цементного завода. Увиденное и пережитое стало содержанием романа «Цемент», опубликованного в первой половине 1925 года.

В этой книге, по выраже-

нию Горького, была «первое за время революции крепко взята и ярко освещена наиболее значительная тема современности — труд». Роман насыщен позней трудовой подвиги рабочих, восстанавливающих завод «Субботники» и «воскресники» на горной территории завода неабываемы.

Поставив в романе также вопрос о новых семейно-бытовых отношениях, Гладков сосредоточивает внимание на самом процессе ломки старых основ. Даша Чумалова в «Цементе» — активная женщина-общественница, хорошо понимающая свою преобразующую роль в революционном развитии жизни. Не случайно М. Горький выделил образ Даши среди других.

Новаторский характер произведения отметили А. С. Серафимович и А. В. Луначарский, высокую оценку ему дала прогрессивная зарубежная печать (Р. Роллан, Л. Арагон, Лу Синь). «Цемент» вошел в классический фонд советской литературы, переведен на многие языки мира.

Писатель-гражданин Федор Гладков всегда находился в первых рядах строителей нового общества. В тридцатые годы, когда, по выражению А. Г. Малыгина, «все в стране кипело, бурлило, строилось, перестраивалось», «первооткрыватель трудовой темы» постоянно интересовался «горячими» новостройками — Днепротрестовской гидроэлектростанцией, бывал на «Сельмаше» в Ростове-на-Дону, в Челябинске. Увиденное он воплотил в очерки и роман «Энергия», который явился своеобразным продолжением «Цемент». Автор большое внимание уделял коллективному разуму партии, расширил масштабы изображаемых событий, индивидуализировал при этом образы рабочих. К сожалению, эпископическое осталось незаконченными и, вероятно, потому не привлекло должного внимания критики.

Задуманные мысли о красоте родной природы, об учителе и его питомцах, бережливости, растущих молодых саженцах превращались в городские пустыри в зеленые парки, поведал писатель в повести «Береговая роща», написанной незадолго до 1941 года.

Годы и болевая не позволили Гладкову в период Великой Отечественной войны быть на поле боя. В это время писатель работал корреспондентом газеты «Известия» в Свердловске, где сосредоточилась оборонная промышленность. Его корреспонденции, очерки и рассказы о трудовых подвигах уральцев с гордостью читали как на фронте, так и в тылу. О подвижнической работе в тылу он рассказал

в сборнике «Опаленная душа» и повести «Клятва», которые воодушевляли людей, утверждали непреклонную веру в победу.

Лебединой песней Федора Гладкова стала его автобиографическая трилогия — «Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година». Четвертая часть — «Мятежная юность» — не была закончена. Каждая повесть получила признание читателей, отмечалась многочисленными рецензиями и статьями. О высокой оценке книг свидетельствует признание «Повести о детстве» и «Вольнице» Государственных премий СССР. Успеху способствовали богатые традиции автобиографического жанра в русской и советской литературе, сама яркая жизнь писателя, тщательно собранный материал, для чего он неоднократно бывал в родной Чернавке и Пензе. Кстати, первую повесть Гладков писал в Пензе в марте 1948 года.

Опираясь на опыт Горького, Федор Васильевич правдиво, исторически конкретно воссоздал прошлое русского народа, живо рисовал людей труда, заданных беспросветной нуждой, но настойчиво поднимавшихся на борьбу с угнетателями.

В памяти близко знавших Федора Гладкова он остался страстным, по-партийному деятельным человеком. Для него не существовало второстепенных дел: будь то правка рукописей начинающих или выступление с трибуны писательских съездов, беседы с читателями или учительская работа. А с какой увлеченностью работал он в Литературном институте, где в течение ряда лет был директором и профессором! Любимец студенчества, Гладков хорошо понимал силу живого общения с творческой молодежью. Своим питомцам он стремился привить самоотверженную любовь к литературному творчеству, преданность делу партии и народу. С большой благодарностью отзывались о нем его бывшие воспитанники Юрий Бондарев, Владимир Тендряков, Расул Гамзатов, Ольга Кожухова, Юлия Друнина, Евгений Винокоров.

Все лучшее в литературном наследии Федора Гладкова с успехом прошло проверку временем. Выдал его в развитии советской национальной литературы трудно переоценить, традиции его жизни, им следуют писатели не только нашей страны.

Г. ГОРЛАНОВ,
заведующий кафедрой советской литературы педагогического института имени В. Г. Беллинского, доцент.
Пенза.

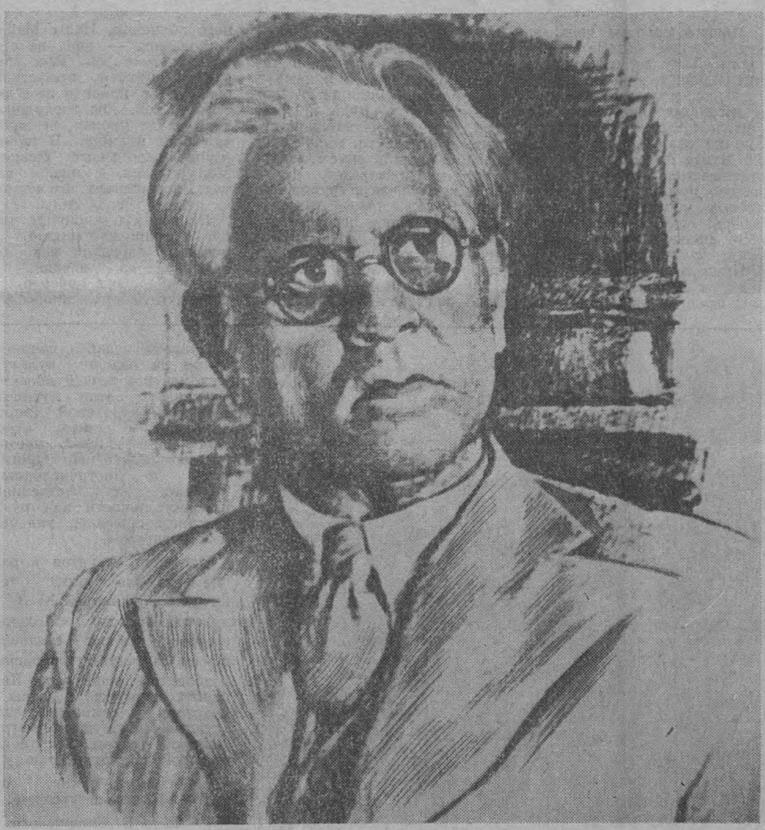

Рис. народного художника РСФСР А. Яр-Кравченко.

Слово о мастере

«Литературная молодежь... учится на его книгах, как надобно писать».
М. ГОРЬКИЙ.

«Федор Гладков один из первых организаторов пролетарской литературы, в высшей степени честный автор... То, что он пишет, это кусок его сердца, он

выстрадал его еще в своей горькой молодости, в царской тюрьме, в царской ссылке...»
А. СЕРАФИМОВИЧ.

«...Уникальный писатель. Выходец из самых глубин народной жизни...»
К. ФЕДИН.

ДЛЯ БУДУЩЕГО МУЗЕЯ

Материалы о жизни и творчестве Ф. В. Гладкова займут видное место в экспозиции будущего литературного музея в Пензе. Сейчас идет сбор материала. Вместе с известными книгами писателя поступили некоторые редкие и малоизвестные публикации.

Вот журнал «Летопись». Он основан в 1915 году М. Горьким. Многие публикации в нем были направлены против войны. В 1916 году в пятом и шестом номерах журнала появилась рассказ Ф. Гладкова «Единородный сын». Тема соответствовала направлению журнала — это история крестьянина Фомы, проводившего на войну сына, тоска о нем, «так странно и непонятно оторванным от него на распятие и смерть какой-то не постижимой силой, с которой он не мог ни спорить, ни бороться, ни умолять».

Публикация рассказа в горьковском журнале (среди авторов того же номера были М. Горький, В. Брюсов, А. Луначарский, Ф. Шаляпин) свидетельствует о росте мастерства Гладкова. А. М. Горький писал ему летом 1916 года: «Федор Васильевич, Вы сделали большие успехи: «Единородный» написан вполне литературно, местами очень интересно и трогательно...»

Не раз обращался Федор Васильевич к этому рассказу,

совершенствуя его. При переиздании в 1923 году значительно переработал текст, назвал его «Плуния». Тем самым он подчеркнул, что горе крестьянина Фомы — общечеловеческое горе. Позднее Гладков значительно исправил текст для издания в литиздании «Сочинения» 1950 года. Так высоки были требовательность и творческая неуспокоенность автора.

Недавно от внучки писателя С. В. Гладковой в наши фонды поступил сундук семьи Гладковых. Такой можно увидеть и в наши дни в старых домах: деревянные, выкрашенные зеленой краской, с обивкой полосатым железом в клетку, с двумя овальными металлическими ручками по боковым стенкам. По словам владельцев, внутренняя сторона крышки была оклеена старинными картинками.

История этой вещи и связанных с нею событий, то слов С. В. Гладкова, значительна. В 1905 году в Тифлисе Ф. В. Гладков выполнял задания большевиков. В августе 1906 года, чтобы избежать ареста, уехал в Забайкалье.

В Сретенске он стал одним из организаторов большевистской группы, продолжал подпольную работу. В «Автобиографии» Гладков писал: «Осенью 1906 года

был арестован первым из группы (кстати, меня в то время разыскивала охранка) и отправлен в Иркутский централ. Пребывание в этой тюрьме, через которую прошли Чернышевский, поэт Михайлов, Корolenko, было для меня настоящим университетом».

Весной 1907 года его отправили на место ссылки, вначале в деревню Самодуровку Верхленского уезда Иркутской губернии, затем в соседнее село Манзурку, где он пробыл до конца 1910 года.

В конце апреля 1908 года были зверски убиты родители писателя — Василий Фомич и Анастасия Михайловна. Федор Васильевич ездил на похороны и привез часть принадлежавших им вещей. Был среди них и сундук матери.

В Самодуровке Гладков жил в доме Серебрянникова. Члены этой семьи стали ему, как родные. Сундук пошел матери Гладков по наследству. Анна Габриэловна хранила его всю жизнь. Последние годы Серебрянникова (в замужестве Петрова) проживала в Иркутске. Оттуда сундук и переправил в Москву С. В. Гладковой.

Л. ИМЕНОВА,
заведующая экспозиционным отделом объединения музеев области.

Выставки Экспонаты рассказывают

В областном краеведческом музее к 100-летию со дня рождения Ф. В. Гладкова открылась выставка, посвященная его жизни и творчеству. Основой послужили материалы, поступившие от родственников писателя. Среди экспонатов — фотографии, отдельные документы, представляющие подлинникам и копии. Книжки Ф. В. Гладкова, в том числе переданные им в дар нашему музею в 1955 году. Представленные на выставке экспонаты знакомят посетителей с основными вехами биографии, с началом

творческой деятельности, становлением Гладкова как литератора-профессионала.

Фотографии и документы рассказывают о творческой дружбе Гладкова с А. М. Горьким.

Особый интерес вызывают материалы, рассказывающие о связях Гладкова с пензенским краем. Это фотографии, запечатлевшие его пребывание в Пензе в 1941 году в редакции газеты «Сталинское знамя», в 1948 году — в составе делегации Союза писателей СССР, участвовавшей в торжествах, посвященных юбилею.

В экспозицию включены личные вещи писателя.

Н. КНЫШ,
сотрудник областного краеведческого музея.

В. Г. Беллинского. Представлены воспоминания Э. А. Гусевой, работавшей в Пензенском издательстве и хорошо знавшей Ф. В. Гладкова. Пензенское литературное объединение и областная альманах «Земля родная» буквально выстроились им. Во все наши заботы Федор Васильевич вынашивал ревностно», — писала она.

В экспозицию включены личные вещи писателя.

Н. КНЫШ,
сотрудник областного краеведческого музея.

Его Чернавка

Федор Васильевич Гладков провел свои детские годы в Большой Чернавке Саратовской губернии (ныне Малосердобинского района Пензенской области).

С Чернавкой связано около двенадцати лет его жизни. Односельчан Гладкова Павел Егорович Моисеев свидетельствовал, что в детстве Федор Васильевич вел дневник, в котором запечатлевал все события, происходившие в селе. Позже он с исключительной точностью описал их в автобиографических произведениях. Встречаются в них и невымышленные герои, которых автор порой выводит даже под собственными именами, реальные географические названия рек, сел, городов. О родной Чернавке Гладков писал:

«Село у нас небольшое. Пожалуй, это не одно, а два села: одно — по эту сторону реки Чернавки, а другое — по ту,

«ВРЕМЯ МОЕГО РОСТА»

И там, и здесь по одной улице: избу стоят в один ряд, а через дорогу — амбары, сютяги загонны и «выходы» в землю». В другом месте он подчеркивает:

«С высокого обрыва открывался широкий низина за рекой, ослепительно сияющая суробями снега в синих оттенках. Отсюда видны были Ключи, Выселки, Петровский хутор и дане Вырыпаевна три владения нашей Чернавки в Нанугу».

Вместе с тем, надо отметить, что повести о детских годах не являются строго документальными, они — прежде всего художественная автобиография, в которой писатель создает обобщенный образ крестьянской деревни 80—90-х годов. Для Гладкова важнее было показать, в какой именно обстановке происходило формирование подрастающего поколения в царской России, какие события делали забитого нуждой, притесняемого крестьянина бунтарем, борцом за справедливость.

В «Повести о детстве» Федор Васильевич пишет, что в семье Федеи всем распоряжался дед Фома Сильверстыч, суровый по характеру человек. Семью он держал в повиновении, внука нередко аразумлял лобаями.

Кстати, впоследствии семейные отношения Гладков оценивал положительно, и в одном из интервью признался: «В моей семье было строгое древнее благочестие, крепкие моральные устои, любовь к книге и знанию. Здесь не жили, не курили, не свекривались, жили долго и умирали в полном сознании, не теряя памяти. Здесь нельзя было говорить старшим ничего обидного. К труду и женщине было уважение. Влияние семьи на меня было сильным и благотворным».

Исследователь его творчества Архангельская пришла к тому же выводу. Из бесед со старожилками Чернавки она выяснила, что настоятель старообрядческой общины Стоднев в действительности был не совсем таким, каким изобра-

жен в «Повести о детстве», что Сергей Калаганов — вымышленное лицо. Вместе с тем многие жители села вывели под собственными именами. Наум Васильевич Гладков, сверстник писателя, читая его произведения, узнал во многих персонажах своих односельчан, а в образе Наумки — самого себя.

Уже в детстве Гладков начал замечать несправедливые социальные отношения в деревне, произвол царских чиновников, притеснение местных богатеев. Все эти обстоятельства рано сформировали его личность и взгляды. Он подчеркивал:

«Мне было восемь лет, но я, как любой деревенский парнишка, был самостоятельным помощником для взрослых: наравне с мужиками я выполнял всякую работу по двору. Но я... очень хорошо знал, чем живет вся деревня, сколько у каждого мужика земли, кто чем занимается, кто гододелает, кто богатеет, сколько у барина земли и как он опутывает крестьян набаюкою,

красным педагогом, умела просто, ненавязчиво, донести до своих питомцев самую суть, рассказать о предметах сложных и трудных. Много лет спустя он обрисовал Елену Григорьевну в повести «Лихая година».

В детстве и отроческие годы Гладков видел жизнь не одной только деревни. Часто отец, чтобы поправить рушащееся хозяйство, отправлялся на заработки. Нередко брал с собой и сына. Так сложились обстоятельства, что в 1895 году Федя Гладков и его мать вынуждены были бежать из деревни: он стал жертвой провокации.

«Мне было двенадцать лет, — вспоминал Ф. В. Гладков, — когда местный поп ложно обвинил меня в святотатстве, урядник избил и послал меня в холоду... Люди помогли мне бежать вместе с матерью на Кавказ».

Однако связь с родными местами Гладков не порывал никогда. Его жена вспоминала, что в 1913 году они вместе посетили Чернавку. На родине писатель был и в 1935 году. «В Чернавку я впервые приехал с отцом в 1935 году, — рассказывает его сын Борис

Федорович. — Отец как-то особенно рассказывал мне о годах своего детства. Было видно, что он соскучился по родным местам, где давно не был. Отец ходил по окрестным селам, а по вечерам долго беседовал с односельчанами». Он же сообщает, что Ф. В. Гладков уже в зрелые годы семь раз приезжал на родину. Значительно и то, что «Повесть о детстве» он писал в пензенском крае.

«Время от времени дед ездил на родину в Пензенскую область», — свидетельствует внучка писателя, — он вел большую переписку со своими читателями и избирателями — письма и личные впечатления давали материалы для раздумий».

Сохранилось одно из таких писем директору Большечернавской семилетней школы Миронихиной от 2 февраля 1937 года.

«Уважаемый тов. Миронихин, — писал Ф. В. Гладков, — Мне было радостно читать Вашу заметку в районной газете «За коммунизм» об успехах в учебе... чернавских школьников и о заботе их под руководством Ваших и Ваших сотрудников-учителей

Воспоминания

КАКИМ ОН БЫЛ

Передо мной — раскрытая книга, на титульном листе которой броским почерком написано: «Земляку моему Александру Михайловичу Беляеву на память о посещении. Ф. Гладков. 4 октября 1958 г. Москва».

Как оказалась в моей домашней библиотеке книга Федора Васильевича Гладкова «Повесть о детстве»?

Работал я раньше в данловской районной газете «Ударник». Каждый из ее сигнальных номеров мы неизменно посылали Федору Васильевичу, который жил тогда в Москве в доме № 19 по Лаврушинскому переулку. Из нашей газеты Федор Васильевич не просто черпал постоянно информацию о жизни района и его родного села Большая Чернавка (в то время оно входило в состав Данловского района). Он помогал нам в творчестве, подсказывая, как улучшить работу с авторским активом, делая полезные замечания.

По долгу службы мне не раз приходилось бывать в Большой Чернавке, встречаться там с колхозниками. Знал их как неутомимых тружеников, любящих землю, вкладывающих в развитие сельского хозяйства много сил и энергии. Родственников Федора Васильевича там не осталось, но фамилия Гладкова сохранилась. Жители Чернавки помнили своего земляка, ценили его творчество, заботу о развитии культуры на селе.

Однажды в Большой Чернавке произошел пожар. Сгорели сельский клуб и библиотека. Восстановить потерянное нелегко. Тогда жители обратились к Гладкову с просьбой помочь им приобрести новую библиотеку. Ответа ждать долго не пришлось. Федор Васильевич направил в адрес чернавцев безвозмездно около трех тысяч книг. Кроме того, из личных сбережений перечислил в бюджет Данловского района денежные средства на строительство средней школы, которая и поныне стоит в соседнем с Большой Чернавкой селе Синодском.

В начале октября 1958 года обком партии направил группу пензенских журналистов для знакомства с передовым опытом на ВДНХ СССР. В составе группы был и я, в то время редактор телегизиной районной газеты «Коллективный путь».

Как сейчас помню, день 4 октября оказался солнечным и теплым. Мы решили посетить его экскурсию по Москве. В наших планах было и посещение Третьяковской галереи. От Кремля решили пройти в Замоскворечье пешком. Перейдя мост, свернули налево, миновали сквер и вышли в Лаврушинский переулок, где расположена Третьяковская. Ребятам я сказал, что неподалеку живет мой земляк, писатель Гладков. Пользуясь случаем, попробую навестить его. Так и сделал.

Многоэтажное серое здание, где жили писатели, буквально в 100—150 метрах от Третьяковской галереи. У входа в подъезд пожилая женщина в очках читала книгу. Провожая меня к лифту, предупредила:

— Федор Васильевич болен. Примиет ли он вас?

Нажимаю на кнопку звонка у двери квартиры. Выходит женщина, спрашивает:

— Вам кого?

— Я к Федору Васильевичу, с его родины.

— Федор Васильевич еще

нездоров, — ответила она. — Я сейчас приглашу его супругу.

Долго ждать не пришлось. Появилась женщина средних лет и пригласила в прихожую.

— Федор Васильевич тяжело болен, но сейчас ему стало полегче, — сказала мне жена писателя. — Спи-майте плащ, шляпу, вешайте сюда и проходите.

В центре обширной гостиной стоял длинный овальный стол, вокруг — мягкие замшевые кресла. Навстречу мне быстрой походкой вышел невысокий человек, белый, как лунь, в комбинационных очках, теплом джемпером.

— Здравствуйте, товарищ Беляев, — пожал мне руку Федор Васильевич и предложил сесть.

Сам устроился рядом и долго расспрашивал меня о родных краях, чернавских буграх, на которых расположена деревня, о речке, беззвонной чаще, что между Чернавкой и Синодском, о работе школ, учреждений культуры. И как-то мимоходом напомнил:

— Довольны ли мои земляки-читатели новой библиотекой?

— Да, Федор Васильевич, — ответил я. — Чернавские читатели свою сельскую библиотеку называют сейчас вашим именем. Вторым подарком — средством на школу — тоже пошел в дело. Сейчас в Синодском стоит обширная двухэтажная средняя школа. Все жители населенных пунктов, дети которых учатся здесь, выражают вам искреннюю благодарность.

— Рад слышать, — с волнением сказал Гладков. — Передайте им большой привет.

Много подробностей рассказал ему о работе земляков, их трудолюбии. Судя по всему, Федор Васильевич остался доволен рассказом. И вдруг взволнованно заговорил:

— Надо писать, писать... А вот не могу: болезнь временно оторвала меня от пера. А как это получится? Избиратели города Петровска Саратовской области, земляки мои (ведь раньше Чернавка входила в Петровский уезд), выдвинули меня кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Настало время, я поехал к ним на встречу. В дороге простудился. В Саратове меня положили в больницу, а через несколько дней увезли в Москву. Теперь стало полегче. Надо торопиться писать. Планы большие, а возраст угрожает.

Федор Васильевич быстро поднялся с кресла и сказал:

— Посмотрите, как я живу, работаю.

Мы обшарили многие комнаты, задержались в рабочем кабинете. Здесь до самого потолка сплошь книжные стеллажи. Федор Васильевич подошел к одному из них, взял с полки томик, присел за стол и сделал дарственную надпись.

Потом мы вошли в столовую.

— Вот видите, по законам русского гостеприимства нам русские накрыли стол. Да, пора уже и пообедать, — заметил он.

Расставался, Федор Васильевич проводил меня до лифта и убедительно попросил передать всем землякам большой привет.

Это было 4 октября 1958 года, а 20 декабря Федора Васильевича не стало.

А. БЕЛЯЕВ,
член Союза журналистов СССР,
Шемшинский район.